

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Третья Часть.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1832.

СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Третья Часть.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
С. Петербургъ, 20 Января, 1832 года.**

Ценсоръ И. Семеновъ.

1829.

I.

К А В К А З Ъ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Спою надъ снѣгами у края спремнины:
Орель, съ опдаленной поднявшись вершины,
Парить неподвижно со мной наравнѣ.
Отсель я вижу попоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идушь подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь, шумяшь водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ ниже мохъ шощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечушь, гдѣ скачущъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздяся въ горахъ ,
И ползають овцы по значнымъ спремнинамъ ,
И паспырь низходитъ къ веселымъ долинамъ ,
Гдѣ мчися Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ ,
И нищій наѣздникъ шаиша въ ущельи ,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи ;

Играетъ и воешь , какъ звѣрь молодой ,
Завидѣвшій пищу изъ клѣпки желѣзной ;

II.

О Б В А Л Ъ.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумящъ и пѣнящся валы,
И надо мной кричащъ орлы,
И ропщещъ боръ,
И блещущъ средъ волнистой мглы
Вершины горъ.

Отшоль сорвался разъ обваль,
И съ тяжкимъ грохопомъ упаль,
И всю тѣснину между скаль

Загородилъ,
И Терека могущій валь
Остановилъ.

Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнь упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга....
Ты захопилъ, освирипѣвъ,
Свои берега.

И долго прорванный обваль
Нешалой грудю лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.

И пущь по немъ широкій шёлъ :
И конь скакалъ , и влекся вошь ,
И своего верблюда вёлъ
Степной купецъ ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эоль ,
Небесъ жилецъ.

III.

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКѢ.

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатёръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный, надъ горами.

Далекій, возжеланный брегъ!
Туда бѣ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ!
Туда бѣ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!...

IV.

ДЕЛИБАШЪ.

Перестрѣлка за холмами;
Смотришь лагерь ихъ и нашъ;
На холмѣ предъ Казаками
Вьется красный Делибашъ.

Делибашъ! не суйся къ *лавѣ*,
Пожалѣй свое жишье;
Вмигъ аминь лпхой забавѣ:
Попадешься на копье.

Эй, Казакъ! не рвися къ бою:

Делибашъ на всемъ скаку

Сръжешъ саблею кривою

Съ плечъ удалую башку.

Мчатся, сшиблись въ общемъ крикъ....

Посмотрите! каковы?....

Делибашъ уже на пикъ,

А Казакъ безъ головы.

V.

На холмахъ Грузіи лежишь ночная мгла;
Шумишь Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣпла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучишь, не превожидишь,
И сердце вновь горитъ и любитъ — опъ того,
Что не любитъ оно не можетъ.

VI.

(Лагерь при Эдфратъ.)

Не плѣняйся бранной славой,
О красавецъ молодой!
Не бросайся въ бой кровавой
Съ Карабахскою шолпой!
Знаю: смерть тебя не встрѣшитъ;
Азраиль, среди мечей,
Красоту твою замѣтитъ —
И пощада будешь ей!
Но боюсь: среди сраженій
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движеній,
Прелестъ нѣги и стыда!

VII.

Д О Н Ъ.

Блеща средь полей широкихъ,
Вонъ онъ льется!... Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ..

Какъ прославленнаго брата
Рѣки знаютъ тихій Донъ:
Отъ Аракса и Эвфрата
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Отдохнувъ отъ злой погони ,
Чуя родину свою ,
Пьютъ уже Донскіе кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же , Донъ завѣтный ,
Для наѣздниковъ лихихъ
Сокъ кипучій , искрометный
Виноградниковъ твоихъ.

VIII.

ОЛЕГОВЪ ЩИТЬ.

Когда ко граду Константинова
Съ побой, воинственный Варягъ,
Пришла Славянская дружина
И развила побѣды стягъ;
Тогда во славу Руси ратной,
Стропшиву Греку въ спыдь и спрахъ,
Ты пригвоздилъ свой щитъ булатной
На Цареградскихъ воротахъ.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрѣли.
Но днесь, когда мы вновь со славой
Къ Спамбѣлу грозно притекли;

**

Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
И нашу рать передъ Стамбуломъ
Твой старый щитъ остановилъ.

IX.

Поѣдемъ, я готовъ; куда бы вы, друзья,
Куда бъ ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
Къ подножію ль сѣньи далекаго Китая,
Въ кипящій ли Парижъ, шуда ли наконецъ,
Гдѣ Тасса не поешъ уже ночной гребецъ,
Гдѣ древнихъ городовъ подъ пепломъ дремлютъ мощи,
Гдѣ кипарисныя благоухаютъ рощи,
Повсюду я готовъ. Поѣдемъ... но, друзья,
Скажите: въ странствіяхъ умрешь ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную дѣву,
Или къ ея ногамъ, ея младому гнѣву,
Какъ дань привычную, любовь я принесу?

— — — — —

X.

Когда твои младья лѣша
Позорить шумная молва,
И ты по приговору свѣша
На чesть утрашила права;

Одинъ, среди толпы холодной,
Твои спраданья я дѣлю
И за тебя мольбой безплодной
Кумирь безчувственный молю.

Но свѣтъ... Жестокихъ осужденій
Не измѣняешь онъ своихъ :
Онъ не караетъ заблужденій,
Но тайны пребудетъ для нихъ.

Достойны равнаго презрѣнья
Его тщеславная любовь
И лицемѣрная гоненья :
Къ забвенью сердце приготовь ;

Не пей мучительной отравы ;
Оставь блестящій, душный кругъ ;
Оставь безумныя забавы :
Тебѣ одинъ остался другъ.

XI.

Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью помимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

XII.

(2 Ноябрь.)

Зима. Что дѣлашь намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю
Слугу, несущаго мнѣ ушромъ чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? упихла ли мешель?
Пороша ешь иль нѣшь? и можно ли постель
Покинуть для сѣдла, иль лучше до обѣда
Возиться съ старыми журналами сосѣда?
Пороша. Мы вспаемъ, и потчасъ на коня,
И рысью по полю при первомъ свѣтѣ дня;
Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами;
Глядимъ на блѣдный снѣгъ прилѣжными глазами;
Кружимся, рыскаемъ и поздней ужъ порой,
Двухъ зайцевъ проправивъ, являемся домой.
Куда какъ весело! Вось вечеръ: выюга воешь,

Свѣча темно горитъ; спѣсняясь, сердце ноетъ;
По каплѣ, медленно глошаю скуки ядъ.
Читаешь хочю; глаза надъ буквами скользятъ,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязныя слова.
Ко звуку звукъ нейдешь... Теряю всѣ права
Надъ рифмой, надъ моею прислужницею спранный:
Стихъ вяло пьянется, холодный и шуманной.
Усталый, съ лирою я прекращаю споръ,
Иду въ гостиную; шамъ слышу разговоръ
О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ;
Хозяйка хмурился въ подобіе погодъ,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червоннаго гадаешь короля.
Тоска! Такъ день за днемъ идетъ въ уединеньѣ!
Но если подъ вечеръ въ печальное селенье,
Когда за шашками сижу я въ уголкѣ,
Пріѣдетъ издали въ кибикѣ иль возкѣ
Нежданая семья: старушка, двѣ дѣвицы,

(Двѣ блѣлокурыя, двѣ стройныя сестрицы),
Какъ оживляется глухая спорона!
Какъ жизнь, о Боже мой, спановится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потомъ словъ нѣсколько, потомъ и разговоры,
А шамъ и дружный смѣхъ, и пѣсни вечеркомъ,
И вальсы рѣзвые, и шопотъ за споломъ,
И взоры помные, и вѣпренныя рѣчи,
На узкой лѣстницѣ замедленныя встрѣчи;
И дѣва въ сумерки выходить на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и выюга ей въ лицо!
Но бури сѣвера не вредны Руской розѣ.
Какъ жарко поцалуй пылаешь на морозѣ!
Какъ дѣва Руская свѣжа въ пыли снѣговъ!

XIII.

ЗИМНЕЕ УТРО.

Морозъ и солнце ; день чудесный !
Еще ты дремлешь , другъ прелесный —
Пора , красавица , проснись :
Открой сомкнуты нѣгой взоры
На встрѣчу сѣверной Авроры ,
Звѣздою сѣвера явись !

Вечоръ , ты помнишь , вьюга злилась ,
На мутномъ небѣ мгла носилась ;
Луна , какъ блѣдное пятно ,

Сквозь тучи мрачныя желѣла,
 И ты печальная сидѣла —
 А нынче погляди въ окно :

Подъ голубыми небесами
 Великолѣпными коврами,
 Блещя на солнцѣ, снѣгъ лежишь;
 Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣешь,
 И ель сквозь иней зеленѣешь,
 И рѣчка подо льдомъ блеститъ.

Вся комната янтарнымъ блескомъ
 Озарена. Веселымъ шрескомъ
 Трещитъ запопеленная печь.
 Пріятно думать у лежанки.
 Но знаешь: не велѣть ли въ санки
 Кобылку бурую запречь?

Скользя по упренному снѣгу,
Другъ милый, предадимся бѣгу
Нешерпѣливаго коня,
И навѣспимъ поля пустыя,
Лѣса, недавно споль густыя,
И берегъ, милый для меня.

XIV.

Щасливъ ты въ прелестныхъ дурахъ,
Въ службѣ, въ карпахъ и въ пирахъ;
Ты St.-Priest въ карриатурахъ,
Ты Нелединскій въ списахъ;
Ты просрѣленъ на дуэль,
Ты разрубленъ на войнѣ —
Хоть герой ты въ самомъ дѣлѣ,
Но повѣса ты вполнѣ.

XV.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Въ Элизіи Василій Тредьяковскій
(Преоспрый мужъ, доспойный много хваль)
Съ усердіемъ принялся за журналъ.
Въ соспрудники самъ вызвался Поповскій,
Свои спашьи Елагинъ общалъ;
Кургановъ самъ надъ кришикой хлопочетъ,
Блеснушь умомъ Письмовникъ снова хочетъ;
И, говорятъ, надняхъ они начнутъ,
Благословясь, сей преполезный шрудъ —
И только ждетъ Василій Тредьяковскій,
Чшобъ подоспѣлъ * * * * *.

XVI.

Какъ сапирой безымянной
Ликъ Зоила я пашналь,
Признаюсь: на вызовъ бранной
Возраженій я не ждалъ.
Справедливы ль эти слухи?
Отвѣчалъ онъ? Точно ль такъ?
Въ полученьи оплеухи
Разписался мой дуракъ?

XVII.

ДОРОЖНЫЯ ЖАЛОБЫ.

Долго ль мнѣ гулять на свѣтъ,
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ пелегѣ, то пѣшкомъ?

Не въ наслѣдственной берлогѣ,
Не средь опческихъ могилъ,
На большой мнѣ, знать, дорогъ
Умереть Господь судилъ,

На каменьяхъ подъ копытомъ,
На горѣ подъ колесомъ,
Иль во рву, водой размытомъ,
Подъ разобраннымъ мостомъ.

Иль чума меня подцѣпитъ,
Иль морозъ окостенитъ,
Иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ влѣпитъ
Непворный инвалидъ.

Иль въ лѣсу подъ ножъ злодѣю
Попадуся въ споронъ,
Иль со скуки околю
Гдѣ нибудь въ карантинъ.

* *

Долго ль мнѣ въ постѣ голодной
Постъ невольный соблюдашь
И шелятиной холодной
Трюфли Яра поминашь?

То ли дѣло быть на мѣстѣ,
По Мясницкой разъѣзжать,
О деревнѣ, о невѣстѣ
Надосугѣ помышлять!

То ли дѣло рюмка рома,
Ночью сонъ, поушру чай;
То ли дѣло, брашцы, дома!...
Ну, пошелъ же, погоняй!...

XVIII.

КАЛМЫЧКЪ.

Прощай, любезная Калмычка!
Чуть-чуть, на зло моихъ зашѣй,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслѣдъ за кибиткою твоей.
Твои глаза конечно узки,
И плосокъ носъ, и лобъ широкъ,
Ты не лепечешь пофранцузски,
Ты шелкомъ не сжимаешь ногъ,
Поанглійски предъ самоваромъ
Узоромъ хлѣба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маромъ,
Слегка Шекспира не цѣнишь,

Не погружаешься въ мечпанье,
Когда нѣтъ мысли въ головѣ,
Не распѣваешь: Ма dov'è,
Галопъ не прыгаешь въ собраньи...
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мнѣ запрягали,
Мнѣ умъ и сердце занимали
Твой взоръ и дикая краса.
Друзья! не все ль одно и то же:
Забыться праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ,
Или въ кибиткѣ кочевой?

XIX.

Что въ имени тебѣ моемъ?

Оно умреть , какъ шумъ печальный
Волны , плеснувшей въ берегъ дальный ,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.

Оно на памятномъ листкѣ
Оставить мертвый слѣдъ , подобной
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.

Что въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ.

Но въ день печали, въ тишинѣ,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мірѣ сердце, гдѣ живу я.

XX.

(При посылкѣ бронзоваго Сфинкса.)

Кто на снѣгахъ возрастилъ Оеокриповы нѣжныя розы?

Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кто золошой угадалъ?

Кто Славянинъ молодой, Грекъ духомъ, а родомъ Германецъ?

Вотъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши!

XXI.

Брожу ли я вдоль улиц шумных ,
Вхожу ль во многолюдный храм ,
Сижу ль межъ юношей безумных ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы ,
И сколько здѣсь ни видно насъ ,
Мы все сойдемъ подъ вѣчны своды —
И чей нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: папріархъ лѣсовъ
Переживешъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ ошцовъ.

Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время плѣть, тебѣ цвѣсти.

День каждый, каждую минуту
Привыкъ я душой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ спараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлеть судьбина?
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хошь безчувственному тѣлу
Равно повсюду исплѣвать;
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бѣ хотѣлось почивать.

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

1850.

I.

(19 Января)

Вь часы забавъ иль праздной скуки ,
Бывало , лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства , лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ ,
Когда твой голосъ величавой
Меня внезапно поражалъ.

Я лиль потоки слезъ неожиданныхъ ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Оспраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку проспираешь ты ,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима ,
Отвергла мракъ земныхъ суешъ ,
И внемлешь арфѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ поэшъ.

II.

КЪ ВЕЛЬМОЖЪ.

(Москва.)

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая міръ,
Лишь только на поля, струясь, дохнетъ зефиръ,
Лишь только первая позеленѣтъ липа,
Къ тебѣ, привѣпливый попомокъ Аристиппа,
Къ тебѣ явлюся я; увижу сей дворецъ,
Гдѣ циркуль зодчаго, палишра и рѣзецъ
Ученой прихожи твоей повиновались
И вдохновенные въ волшебствѣ состязались.

Ты понялъ жизни цѣль: щастливый человекъ,
Для жизни ты живешь. Свой долгій ясный вѣкъ
Еще ты смолоду умно разнообразиль,
Искалъ возможнаго, умѣренно проказиль;
Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.
Посланникъ молодой увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферней — и Циникъ посядѣлый,
Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый,
Свое владычество на Сѣверѣ любя,
Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
Съ шобой веселости онъ распочалъ избытокъ,
Ты лещь его вкусилъ, земныхъ боговъ напишокъ.
Съ Фернеемъ распросясь, увидѣлъ ты Версаль.
Пророческихъ очей не просируя вдаль,
Тамъ ликовало все. Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая, чему судьбой обречена,
Рѣзвилась, въпренымъ Дворомъ окружена.
Ты помнишь Трианонъ и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ осправы;

Ученъе дѣлалось навремя пвой кумирь :
 Уединялся ты. За пвой суровый пиръ
 Точпитель Промысла, поСкепшикъ, по безбожникъ,
 Садился Дидеротъ на шашкѣй свой преножникъ,
 Бросалъ парикъ, глаза въ воспоргѣ закрывалъ
 И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
 За чашей медленной аею иль деисту,
 Какъ любопышный Скиѣъ Аѣинскому Софисту.

Но Лондонъ звалъ пвое вниманіе. Твой взоръ
 Прилѣжно разобралъ сей двойственнй соборъ :
 Здѣсь напискъ пламенный, а тамъ ошпоръ суровой,
 Пружины смѣлыя гражданспвенности новой.

Скучая, можешъ быть, надъ Темзою скупой,
 Ты думалъ далъ плышь. Услужливый, живой,
 Подобный своему чудесному герою,
 Веселый Бомарше блеснулъ передъ побоею.
 Онъ угадалъ тебя : въ плѣнительныхъ словахъ
 Онъ спалъ рассказывать о ножкахъ, о глазахъ,

О нѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно,
 Гдѣ жизнь лѣнивая проходитъ сладострасно,
 Какъ пылкій, опрока восторговъ полный, сонъ;
 Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконъ,
 Глядятъ и, не страшась ревниваго Испанца,
 Съ улыбкой слушаютъ и манятъ иностранца.
 И ты, впревоженный, въ Севиллу полетѣлъ.
 Благословенный край, лѣнителный предѣлъ!
 Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрѣютъ...
 О, Расскажи жъ ты мнѣ, какъ жены тамъ умѣютъ
 Съ любовью набожность умильно сочешать,
 Изъ-подъ мантильи знакъ условный подавать;
 Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за рѣшетки,
 Какъ златоръ усыплень надзоръ угрюмой пешки;
 Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ окномъ
 Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащомъ.

Все измѣнилось. Ты видѣлъ вихоръ бури,
 Паденіе всего, союзъ ума и фурій,
 Свободой грозною воздвигнутый законъ,

Подъ гильотиною Версаль и Трианонъ,
И мрачнымъ ужасомъ смѣненныя забавы.
Преобразился міръ при громахъ новой славы.
Давно Фернеи умолкъ. Пріятель швой Вольтеръ,
Превратности судьбы разительный примѣръ,
Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
Донынѣ спрансствуешь съ кладбища на кладбище.
Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидерошъ,
Энциклопедіи скептической причетъ,
И колкій Бомарше, и швой безносый Каспи,
Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнья, толки, страсти
Забыты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
Все новое кипитъ, бывшее истребля.
Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
Едва опомнились младыя поколѣнья.
Жестокихъ опытовъ собирая поздній плодъ,
Они шоропятся съ расходомъ свести приходъ.
Имъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,
Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона развлечь едва ихъ могъ.

Одинъ все шопъ же ты. Сступивъ за швой порогъ ,
Я вдругъ переносусь во дни Екатерины.

Книгохранилище , кумиры, и каршины ,
И спройные сады свидѣтельствуютъ мнѣ ,
Что благосклонствуешь ты музамъ въ пишинѣ ,
Что ими въ праздности ты дышешь благородной.
Я слушаю тебя : твой разговоръ свободной
Исполненъ юности. Вліянье красоты
Ты живо чувствуешь. Съ воспоргомъ цѣнишь ты
И блескъ А * * * и прелесъ * * *.

Безпечно окружась Корреджіемъ , Кановой ,
Ты , не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборошъ во всемъ кругообразный.

Такъ , вихоръ дѣлъ забывъ для музъ и нѣги праздной ,
Въ пѣни порфирныхъ банъ и мраморныхъ палащъ ,
Вельможи Римскіе встрѣчали свой закашъ .
И къ нимъ издалека по воинъ , по орапоръ ,
То консуль молодой , по сумрачный дикшаторъ

**Являлись день-другой роскошно отдохнуть ,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься в путь.**

III.

П О Э Т У.

Поэтъ! не дорожи любовію народной.
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минувный шумъ;
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной :
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ ;
Всѣхъ спроже оцѣнишь умѣешь пы свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскашелей художникъ ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранить,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

IV.

ОТВѢТЪ АНОНИМУ.

О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жметъ,
Указываетъ путь и посохъ подаетъ;
О, кто бы ни былъ ты: спарикъ ли вдохновенный,
Иль юности моей поварищъ отдаленный,
Иль отрокъ, музами таинственно хранимъ,
Иль пола крошкого спыдливый херувимъ,
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабаго предметъ уединенный,
Къ доброжелательству досель я не привыкъ—
И спраненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.

Смѣшонъ, участіа кто пребуешь у свѣта!
Холодная толпа взираешь на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразишь сердечный, тяжкій спонъ,
И выспраданный стихъ, пронзительно-унылой,
Ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой —
Она въ ладони бьетъ и хвалишь, иль порой
Неблагодарною киваетъ головой.
Поспигнешъ ли пѣвца незапное волненье,
Ушрапа скорбная, изгнанье, започенье —
«Тѣмъ лучше, » говоряшь любители искусствъ:
«Тѣмъ лучше! наберешь онъ новыхъ думъ и чувствъ
«И намъ ихъ передастъ. » Но щастіе поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолшествуетъ оно...

— — — — —

V.

Here's a health to thee, Mary.

Пью за здравіе Мери,
Милой Мери моей.
Тихо заперъ я двери,
И одинъ безъ гостей
Пью за здравіе Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой Пери;
Но нельзя быть милѣй
Рѣзвой, ласковой Мери.

Будь же щасплива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни поски, ни потери,
Ни ненаспливыхъ дней
Пусть не вѣдаешь Мери.

VI.

ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

*(Улица. Накрытый столъ. Нѣсколько пирующихъ
мущинъ и женщинъ.)*

Молодой человѣкъ.

Почтенный предсѣдатель! я напомню
О человѣкѣ, очень намъ знакомомъ,
О томъ, чьи шушки, повѣсти смѣшныя,
Опвѣсы острые и замѣчанья,
Столъ ѣдкія въ ихъ важности забавной,
Застольную бесѣду оживляли
И разгоняли мракъ, который нынѣ
Зараза, гостья наша, насылаеть

На самые блестяще умы.
 Тому два дня, нашъ общій хохотъ славиль
 Его рассказы; не возможно бышь,
 Чшобъ мы въ своемъ веселомъ пированьи
 Забыли Джаксона! Его здѣсь кресла
 Сстоятъ пустыя, будшо ожидая
 Весельчака — но онъ ушелъ уже
 Въ холодныя, подземныя жилища...
 Хотя краснорѣчивѣйшій языкъ
 Не умолкалъ еще во прахъ гроба;
 Но много насъ еще живыхъ, и намъ
 Причины нѣтъ печалишься. И такъ
 Я предлагаю выпить въ его память
 Съ веселымъ звономъ рюмокъ, съ восклицаньемъ,
 Какъ будшо бъ былъ онъ живъ.

П р е д с ѣ д а т е л ь.

Онъ выбылъ первый
 Изъ круга нашего. Пускай въ молчаньи
 Мы выпьемъ въ честь его.

Молодой человекъ.

Да будешь такъ!

(Всѣ пьютъ молча.)

Предсѣдатель.

Твой голосъ, милая, выводить звуки
Родимыхъ пѣсень съ дикимъ совершенствомъ;
Спой, Мери, намъ, уныло и прозябно,
Чтобъ мы попомъ къ веселью обратились
Безумнѣе, какъ топъ, кто опъ земли
Быль оплученъ какимъ нибудь видѣньемъ.

Мери *(поетъ.)*

Было время, процвѣтала
Въ мирѣ наша спорона:
Въ воскресеніе бывала
Церковь Божія полна;
Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,
И сверкали въ свѣпломъ полѣ
Серпъ и быстрая коса.

Нынѣ церковъ опустѣла ;
 Школа глухо заперта ;
 Нива праздно перезрѣла ;
 Роща темная пуста ;
 И селенье , какъ жилище
 Погорѣлое , стоить ;
 Тихо все — одно кладбище
 Не пустѣеть , не молчить :

Поминушно мершвыхъ носятъ ,
 И спенанія живыхъ
 Боязливо Бога просятъ
 Упокоить души ихъ !
 Поминушно мѣста надо ,
 И могилы межъ собой ,
 Какъ испуганное стадо ,
 Жмутся тѣсной чередой !

Если ранняя могила
 Суждена моей веснѣ ;

Ты , кого я такъ любила ,
Чья любовь опрада мнѣ ,
Я молю : не приближайся
Къ тѣлу Дженни ты своей ;
Устъ умершихъ не касайся ;
Слѣдуй издали за ней .

И попомъ оставь селенье !
Уходи куда нибудь ,
Гдѣ бъ ты могъ души мученье
Усладить и опдохнуть .
И когда зараза минеть ,
Посѣти мой бѣдный прахъ ;
А Эдмонда не покинешь
Дженни даже въ небесахъ !

П р е д с ѣ д а т е л ь .

Благодаримъ , задумчивая Мери ,
Благодаримъ за жалобную пѣсню !

Въ дни прежніе чума такая жъ , видно ,
 Холмы и доли ваши постыла ,
 И раздавались жалкія стenanья
 По берегамъ пошokовъ и ручьевъ ,
 Бѣгущихъ нынѣ весело и мирно
 Сквозъ дикій рай швоей земли родной ;
 И мрачный годъ , въ который пало сполько
 Отважныхъ , добрыхъ и прекрасныхъ жершвъ ,
 Едва оставилъ память о себѣ
 Въ какой нибудъ простой пастушьей пѣснѣ ,
 Унылой и пріятной... Нынь ! ничшо
 Такъ не печалишь насъ среди веселій ,
 Какъ помный , сердцемъ повшоренный звукъ !

М е р и .

О , если бѣ никогда я не пѣвала
 Внѣ хижины родишелей своихъ !
 Они свою любили слушать Мери ;
 Самой себѣ я , кажешся , внимаю
 Поющей у родимаго порога —

★ ★

Мой голосъ слаще былъ въ то время: онъ
 Былъ голосомъ невинности...

Луиза.

Не въ модѣ
 Теперь такія пѣсни! Но все жъ есть
 Еще простыя души: рады паять
 Опъ женскихъ слезъ, и слѣпо вѣрятъ имъ.
 Она увѣрена, что взоръ слезливый
 Ея неотразимъ — а если бъ поже
 О смѣхъ думала своемъ, то вѣрно
 Все бъ улыбалась. Вальсингамъ хвалилъ
 Крикливыхъ сѣверныхъ красавицъ: вонъ
 Она и разстоналась. Ненавижу
 Волосъ Шотландскихъ эпихъ желпизну.

Предсѣдатель.

Послушайте: я слышу спукъ колесъ!

*(Ѣдетъ телега, наполненная мертвыми
 тѣлами. Негръ управляетъ ею.)*

Ага! Луизъ дурно; въ ней, я думалъ,
 По языку судя, мужское сердце.

Но шакъ-то: нѣжнаго слабѣй жестокой,
И страхъ живешь въ душѣ, спрасъми шомичой!
Брось, Мери, ей воды въ лице. Ей лучше.

М л р и.

Сестра моей печали и позора,
Прилягъ на грудь мою.

Луиза (приходя въ тувство.)

Ужасный демонъ

Приснился мнѣ: весь черный, бѣлоглазый...

Онъ звалъ меня въ свою тележку. Въ ней

Лежали мертвые — и лепетали

Ужасную, невѣдомую рѣчь...

Скажите мнѣ: во снѣ ли эшо было?

Проѣхала ль телега?

Молодой человекъ.

Ну, Луиза,

Развеселись: хошь улица вся наша

Безмолвное убѣжище отъ смерти,

Прюють пировъ ничѣмъ невозмущимыхъ,

Но знаешь? эша черная телега

Имѣешь право всюду развѣзжать —
 Мы пропускашь ее должны! Послушай
 Ты, Вальсингамъ: для пресѣченія споровъ
 И слѣдствій женскихъ обмороковъ, спой
 Намъ пѣсню — вольную, живую пѣсню —
 Не грустную Шопландской вдохновенну,
 А буйную, вакхическую пѣснь,
 Рожденную за чашею кипящей.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Такой не знаю — но спою вамъ гимнь
 Я въ честь чумы: я написалъ его
 Прошедшей ночью, какъ разсались мы.
 Мнѣ странная нашла охота къ рифмамъ
 Впервые въ жизни! Слушайте жъ меня:
 Охрыплый голосъ мой приличенъ пѣснѣ.

МНОГІЕ.

Гимнь въ честь чумы! слушаемъ его!
 Гимнь въ честь чумы! прекрасно! bravo! bravo!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ (поетъ.)

Когда могущая зима,
Какъ бодрый вождь, ведешь сама
На насъ космашья дружины
Своихъ морозовъ и снѣговъ,
Навстрѣчу ей прещашъ камины,
И весель зимній жаръ пировъ.

Царица грозная, Чума
Теперь идетъ на насъ сама
И льстится жашвою богашой;
И къ намъ въ окошко день и ночь
Спучишь могильною лопашой...
Чшо дѣлашъ намъ? и чѣмъ помочь?

Какъ опъ проказницы зимы,
Запремся также опъ Чумы!
Зажжемъ огни, нальемъ бокалы;
Ушопимъ весело умы

И, заваривъ пиры да балы,
Возславимъ царствіе Чумы.

Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной шмы,
И въ Аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи Чумы.

Все, все, что гибелью грозишь,
Для сердца смертнаго таишь
Неизъяснимы наслажденья —
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И щастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣшать и вѣдать могъ.

И такъ — хвала тебѣ, Чума!
Намъ не страшна могилы тма,
Насъ не смутитъ твое призванье!

Бокалы пѣнимъ дружно мы,
 И Дѣвы-Розы пьемъ дыханье —
 Быть можешь — — полное Чумы!

(Входитъ старый священникъ.)

Священникъ.

Безбожный пиръ, безбожные безумцы!
 Вы пиршествомъ и пѣснями развраща
 Ругаетесь надъ мрачной пишиной,
 Повсюду смертию распространеной!
 Средь ужаса плачевныхъ похоронъ,
 Средь блѣдныхъ лицъ, молюсь я на кладбищѣ,
 А ваши ненавистные воспорги
 Смущаютъ пишину гробовъ — и землю
 Надъ мертвыми пѣлами попрыскаютъ!
 Когда бы шариковъ и женъ моленья
 Не освятили общей, смершной ямы —
 Подумать могъ бы я, что нынче бѣсы
 Погибшій духъ безбожника терзаютъ
 И въ пчу крошечную тащатъ со смѣхомъ.

Нѣсколько голосовъ.

Онъ мастерски объ адѣ говоритъ!

Спупай, спарикъ! спупай своей дорогой!

Священникъ.

Я заклинаю васъ свяшою кровью

Спасишеля, распятаго за насъ:

Прервите пиръ чудовищный, когда

Желаете вы встрѣпишь въ небесахъ

Упращенныхъ возлюбленные души —

Спупайте по своимъ домамъ!

Предсѣдатель.

Домъ

У насъ печальны — юность любить радость.

Священникъ.

Ты ль эшо, Вальсингамъ? ты ль самый шошь,

Кшо при тому недѣли, на колѣнахъ,

Трупъ матери, рыдая, обнималъ

И съ воплемъ бился надъ ея могилой?

Иль думаешь: она теперъ не плачетъ,

Не плачетъ горько въ самыхъ небесахъ,

Взирая на пирующего сына
 Въ пиру развраща, слыша голосъ твоей,
 Поющій бѣшенныя пѣсни между
 Мольбы свяшой и тяжкихъ воздыханій?
 Спупай за мной!

ПРЕДСѢДТЕЛЬ.

Зачѣмъ приходишь ты
 Меня тревожишь? Не могу, не долженъ
 Я за тобой итти: я здѣсь удержанъ
 Опчаяньемъ, воспоминаньемъ спрашнымъ,
 Сознаньемъ беззаконья моего,
 И ужасомъ той мерзвой пустоты,
 Колпую въ моемъ дому встрѣчаю —
 И новостью сихъ бѣшенныхъ веселій,
 И благодатнымъ ядомъ этой чаши,
 И ласками (проси меня Господь)
 Погибшаго, но милаго созданья...
 Тебѣ мапери не вызовешъ меня
 Опсѣлъ — поздно — слышу голосъ твой,
 Меня зовущій — признаю усилія

Меня спаси... спарикъ! иди же съ миромъ;
Но проклясть будь, кто за тобой пойдешь!

Многіе.

Bravo, bravo! достойный председатель!
Вопъ проповѣдь тебѣ! пошелъ! пошелъ!

Священникъ.

Машильды чистый духъ тебя зоветь!

Предсѣдатель (*встаетъ.*)

Клянись же мнѣ, съ поднятой къ небесамъ,
Увидшей, блѣдною рукой, оставишь
Въ гробу навѣкъ умолкнувшее имя!
О, если бъ ошъ очей ея безсмертныхъ
Скрышь эшо зрѣлице! Меня когда-то
Она считала чистымъ, гордымъ, вольнымъ —
И знала рай въ обѣщаніяхъ моихъ...
Гдѣ я? Святое чадо свѣта! вижу
Тебя я шамъ, куда мой падшій духъ
Не досягнешъ уже...

Женскій голосъ.

Онъ сумасшедшій:

Онъ бредить о женѣ похороненной!

С в я щ е н н и к ъ.

Пойдемъ, пойдемъ...

П р е д с ѣ д а т е л ь.

Отецъ мой, ради Бога,

Оспавъ меня!

С в я щ е н н и к ъ.

Спаси тебя Господь!

Прости, мой сынъ. (*Уходитъ. Пиръ продолжается. Предсѣдатель остается, погруженный въ глубокую задумчивость.*)

VII.

С О Н Е Т Ъ.

Scorn not the sonnet critic.

WORDSWORTH.

Суровый Дантъ не презираль сонета;
Въ немъ жаръ любви Пешрарка изливаль;
Игру его любилъ творецъ Макбета;
Имъ скорбну мысль Камозэнсъ облакаль.

И въ наши дни плѣняеть онъ поэта:
Вордсвортъ его орудіемъ избраль,
Когда вдали отъ суетнаго свѣта
Природы онъ рисуешь идеаль.

Подъ сѣнью горъ Тавриды опдаленной
Пѣвецъ Липвы въ размѣръ его стѣсненной
Свои мечшы мгновенно заключалъ.

У насъ еще его не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ
Гекзаметра священные напѣвы.

VIII.

Б Ъ С Ы.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, Ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

Эй, пошёлъ, ямщикъ!... «Нѣшь мочи:

« Конямъ, баринъ, тяжело;

« Вьюга мнѣ слипаетъ очи;

« Всѣ дороги занесло;

« Хоть убей, слѣда не видно;

« Сбились мы. Чпо дѣлать намъ!

« Въ полѣ бѣсъ насъ водить, видно,

« Да кружить по сторонамъ.

« Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,

« Дуешь, плюешь на меня;

« Вонъ — шеперь въ оврагъ толкаетъ

« Одичалаго коня;

« Тамъ версхою небывалой

« Онъ торчалъ передо мной;

« Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой

« И пропаль во тмѣ пустой. »

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ лешучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силь намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони спали... — Чшо тамъ въ полѣ? —
«Кшо ихъ знаетъ? пень иль волкъ?»

Вьюга злишся, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ;
Лишь глаза во мглѣ горятъ;
Кони снова понесли;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣляющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
 Въ мушной мѣсяца игрѣ
 Закружились бѣсы разны,
 Будто листья въ ноябрь...
 Сколько ихъ! куда ихъ гоняшь?
 Чѣмъ такъ жалобно поюшь?
 Домоваго ли хороняшь,
 Вѣдьму ль замужъ выдаюшь?

Мчатся тучи, вьются тучи;
 Невидимкою луна
 Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
 Мушно небо, ночь мушна,
 Мчатся бѣсы рой за роемъ
 Въ безпредѣльной вышинѣ,
 Визгомъ жалобнымъ и воемъ
 Надрывая сердце мнѣ...

IX.

ЦАРКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

Урну съ водой уронивъ, объ утешь ее дѣва разбила.

Дѣва печально сидитъ, праздный держа черепокъ.

Чудо! не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбишой;

Дѣва, надъ вѣчной струей, вѣчно печальна сидитъ.

X.

О Т Р О К Ъ.

Неводъ рыбакъ разспилалъ по берегу студенаго моря;
Мальчикъ опцу помогалъ. Опрокъ, оспавъ рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидающъ, иныя заботы :
Будешъ умы уловляшъ, будешъ помощникъ Царямъ.

XI.

Р И Ф М А.

Эхо, безсонная Нимфа, скиталась по берегу Пеней.

Фебъ, увидѣвъ ее, страстію къ ней воспылалъ.

Нимфа плодъ понесла восторговъ влюбленнаго бога;

Межъ говорливыхъ Наядъ, мучась, она родила

Милую дочь. Ее пріяла сама Мнемозина.

Ръзвая дѣва росла въ хорѣ богинь-аонидъ,

Машери чуткой подобна, послушна памяти строгой,

Музамъ мила; на землѣ Рифмой зовется она.

XII.

НА ПЕРЕВОДЪ ИЛІАДЫ.

Слышу умолкнувшій звукъ божественной Эллин-
ской рѣчи ;

Старца великаго шѣнь чую смущенной душой.

XIII.

Т Р У Д Ъ.

Мигъ вождѣнный насталь: окончень мой трудъ
многолѣпный.

Что жъ непонятная грусть тайно прѣвожись
меня?

Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ по-
денщикъ ненужный,

Плату пріявшій свою, чуждый работъ другой?

Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,

Друга Авроры златой, друга Пенатовъ священныхъ?

XIV.

МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ.

С Ц Е Н А I.

(Комната.)

С А Л Ь Е Р И.

Всѣ говорятъ : нѣтъ правды на землѣ.
Но правды нѣтъ — и выше. Для меня
Такъ это ясно, какъ простая гамма.
Родился я съ любовію къ искусству;
Ребенкомъ будучи, когда высоко
Звучалъ органъ въ старинной церкви нашей,
Я слушалъ и заслушивался — слезы

Невольныя и сладкія текли.
Отвергъ я рано праздныя забавы;
Науки, чуждыя музыкѣ, были
Посылы миѣ; упрямо и надменно
Отъ нихъ отрекся я и предался
Одной музыкѣ. Трудень первый шагъ
И скучень первый путь. Преодоляъ
Я раннія невзгоды. Ремесло
Поставилъ я подножіемъ искусству;
Я сдѣлался ремесленникъ; перстамъ
Придалъ послушную, сухую бѣглость
И вѣрность уху. Звуки умершвивъ,
Музыку я разъялъ, какъ трупъ. Повѣрилъ
Я алгеброй гармонію. Тогда
Уже дерзнулъ, въ наукѣ искушенный,
Предаться нѣгѣ шворческой мечшы.
Я спалъ шворишь, но въ пишинѣ, но вшайнѣ,
Не смѣя помышлять еще о славѣ.
Нерѣдко, просидѣвъ въ безмолвной кельѣ
Два, три дня, позабывъ и сонъ и пищу,

Вкусивъ восторгъ и слезы вдохновенья,
 Я жегъ мой трудъ и холодно смотрѣлъ,
 Какъ мысль моя и звуки, мной рожденны,
 Пылая, съ легкимъ дымомъ исчезали.
 Что говорю? Когда великій Глюкъ
 Явился и открылъ намъ новы тайны
 (Глубокія, плѣнительныя тайны),
 Не бросилъ ли я все, что прежде зналъ,
 Что такъ любилъ, чему такъ жарко вѣрилъ,
 И не пошелъ ли бодро вслѣдъ за нимъ
 Безропотно, какъ шопъ, кто заблуждался
 И встрѣчнымъ посланъ въ сторону иную?
 Усиленнымъ, напряженнымъ постоянствомъ
 Я наконецъ въ искусствѣ безграничномъ
 Достигнулъ степени высокой. Слава
 Мнѣ улыбнулась; я въ сердцахъ людей
 Нашелъ созвучія своимъ созданьямъ.
 Я щасливъ былъ: я наслаждался мирно
 Своимъ трудомъ, успѣхомъ, славой; также
 Трудами и успѣхами друзей,

Товарищей моихъ въ искусствѣ дивномъ.
 Нѣтъ! никогда я зависти не зналъ,
 О, никогда! — ниже, когда Пиччини
 Плѣнишь умѣль слухъ дикихъ Парижанъ,
 Ниже, когда услышалъ въ первый разъ
 Я Ифигеніи начальны звуки.
 Кто скажешь, чтобъ Сальери гордый былъ
 Когда нибудь завистникомъ презрѣннымъ,
 Змѣей, людьми распопанною, вживъ
 Песокъ и пыль грызущею безсильно?
 Никто!... А нынѣ — самъ скажу — я нынѣ
 Завистникъ. Я завидую; глубоко,
 Мучительно завидую. — О небо!
 Гдѣ жъ правоша, когда священный даръ,
 Когда безсмертный геній — не въ награду
 Любви горячей, самоотверженья,
 Трудовъ, усердія, моленій посланъ —
 А озаряетъ голову безумца,
 Гуляки празднаго?... О Моцартъ, Моцартъ!
 (*Входитъ Моцартъ.*)

Моцартъ.

Ага! увидѣлъ ты! а мнѣ хотѣлось
Тебя неожиданой шушкой угостить.

Сальери.

Ты здѣсь! — Давно ль?

Моцартъ.

Сей часъ. Я шель къ тебѣ,
Несъ кое-что тебѣ я показать;
Но, проходя передъ шрапиромъ, вдругъ
Услышала скрипку... Нѣтъ, мой другъ, Сальери!
Смѣшнѣе опроду ты ничего
Не слыхивала... Слѣпой скрипачъ въ шрапирѣ
Разыгрывала voi che sapete. Чудо!
Не вытерпѣлъ, привелъ я скрипача,
Чтобъ угостить тебя его искусствомъ.
Войди!

(Входитъ слѣпой старикъ со скрипкой.)

Изъ Моцарта намъ что нибудь!

(Старикъ играетъ арію изъ Донъ-Жуана;

Моцартъ хохочетъ.)

Сальери.

И ты смѣяться можешь?

Моцартъ.

Ахъ, Сальери!

Ужель и самъ ты не смѣешься?

Сальери.

Нѣтъ,

Мнѣ не смѣшно, когда маляръ негодный

Мнѣ пачкаешь Мадону Рафаэля,

Мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный

Пародіей безчеститъ Алигьери.

Пошѣль, старикъ.

Моцартъ.

Поспой же: вошь тебѣ,

Пей за мое здоровье.

(Старикъ уходитъ.)

Ты, Сальери,

Не вдухъ нынче. Я приду къ тебѣ

Въ другое время.

САЛБЕРИ.

Что ты мнѣ принесть?

МОЦАРТЪ.

Нѣтъ — такъ, бездѣлицу. Намедни ночью
Бессонница моя меня помила,
И въ голову пришли мнѣ двѣ, три мысли.
Сегодня ихъ я набросалъ. Хотьлось
Твое мнѣ слышать мнѣнье; но теперь
Тебѣ не до меня.

САЛБЕРИ.

Ахъ, Моцартъ, Моцартъ!

Когда же мнѣ не до тебя? Садись;
Я слушаю.

МОЦАРТЪ (*за фортепіано.*)

Представь себѣ... кого бы?

Ну, хоть меня — немного помоложе;
Влюбленного — не слишкомъ, а слегка —
Съ красонкой, или съ другомъ — хоть съ побой —
Я весель... Вдругъ: видѣнье гробовое,
Незпный мракъ иль что нибудь такое...

Ну, слушай же.

(Играетъ.)

С А Л Ь Е Р И.

Ты съ эшимъ шель ко мнѣ

И могъ оспановишься у практира

И слушашъ скрипача слѣпаго! — Боже!

Ты, Моцаршъ, недостойнъ самъ себя.

М О Ц А Р Т Ъ.

Что жъ, хорошо?

С А Л Ь Е Р И.

Какая глубина!

Какая смѣлость и какая спройность!

Ты, Моцаршъ, богъ, и самъ того не знаешь;

Я знаю, я.

М О Ц А Р Т Ъ.

Ба! право? можетъ бытъ...

Но божество мое проголодалось.

С А Л Ь Е Р И.

Послушай: опобѣдаемъ мы вмѣстѣ

Въ трактирѣ Золотаго Льва.

Моцартъ.

Пожалуй;

Я радъ. Но дай, схожу домой, сказать
Женѣ, чтобы меня она къ обѣду
Не дожидалась.

(Уходитъ.)

Сальери.

Жду тебя; смотри жъ.

Нѣтъ! не могу противиться я долѣ
Судьбѣ моей: я избранъ, чтобы его
Остановить — не то, мы всѣ погибли,
Мы всѣ, жрецы, служители музыки,
Не я одинъ съ моей глухою славой...
Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой вышины еще достигнешъ?
Подынешъ ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ;
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ:
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,

Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсень райскихъ,
Чтобъ, возмущивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улещѣть!
Такъ улещай же! чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Вотъ ядъ, послѣднѣй даръ моей Изоры.
Осмынацать лѣтъ ношу его съ собою —
И часто жизнь казалась мнѣ съ тѣхъ поръ
Несносной раной, и сидѣлъ я часто
Съ врагомъ безпечнымъ за одной прапезой,
И никогда на шепотъ искушенья
Не преклонился я, хоть я не пруюсь,
Хотя обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Все медлил я.
Какъ жажда смерти мучила меня;
Что умирашь? я мнилъ: быть можешь, жизнь
Мнѣ принесетъ незапные дары;
Быть можешь, посѣтитъ меня восторгъ
И творческая ночь и вдохновенье;
Быть можешь, новый Гайдень сотворить

Великое — и наслажуся имъ...
Какъ пироваль я съ гостемъ ненавистнымъ;
Быть можешь, мнилъ я, злѣйшаго врага
Найду; быть можешь, злѣйшая обида
Въ меня съ надменной грянешь высоты —
Тогда не пропадешь ты, даръ Изоры.
И я былъ правъ! и наконецъ нашель
Я моего врага, и новый Гайдень
Меня воспоргомъ дивно упоиль!
Теперь — пора! Завѣтный даръ любви,
Переходи сегодня въ чашу дружбы.

**

СЦЕНА II.

(Особая комната въ трактирѣ; фортепіано.)

МОЦАРТЬ И САЛЬЕРИ *(за столомъ.)*

САЛЬЕРИ.

Что ты сегодня пасмурень?

МОЦАРТЬ.

Я? Нѣтъ!

САЛЬЕРИ.

Ты вѣрно, Моцартъ, чѣмъ нибудь разстроень?

Обѣдъ хорошій, славное вино,

А ты молчишь и хмуришься.

МОЦАРТЬ.

Признайся,

Мой Requiem меня тревожитъ.

САЛЬЕРИ.

А!

Ты сочиняешь Requiem? Давно ли?

Моцартъ.

Давно, недѣли три. Но странный случай...
Не сказывалъ тебѣ я?

Сальерп.

Нѣшъ.

Моцартъ.

Такъ слушай:

Недѣли при тому, пришелъ я поздно
Домой. Сказали мнѣ, что заходилъ
За мною кто-то. Ошъ чего — не знаю,
Всю ночь я думалъ: кто бы это былъ?
И что ему во мнѣ? Назавтра шопъ же
Зашелъ и не заспалъ опяшь меня.
На претій день игралъ я на полу
Съ моимъ мальчишкой. Кликнули меня;
Я вышелъ. Человѣкъ, одѣшый въ черномъ,
Учшиво поклонившись, заказалъ
Мнѣ Requiem и скрылся. Сълъ я шопчасъ
И спалъ писанъ — и съ той поры за мною
Не приходилъ мой черный человѣкъ;

А я и радъ: мнѣ было бѣ жаль разсѣпаться
 Съ моей работой, хоть совѣсть гоговъ
 Ужъ Requiem. Но между тѣмъ я...

Сальери.

Чшо?

Моцартъ.

Мнѣ совѣстно признаваться въ эпомъ...

Сальери.

Въ чемъ же?

Моцартъ.

Мнѣ день и ночь покоя не даетъ
 Мой черный челоуѣкъ. За мною всюду
 Какъ тѣнь онъ гонится. Вошъ и теперъ
 Мнѣ кажется, онъ съ нами самшрешей
 Сидить.

Сальери.

И, полно! чшо за спрахъ ребячій?

Разсѣй лущую думу. Бомарше
 Говариваль мнѣ: «слушай, брашъ Сальери,
 Какъ мысли черныя къ тебѣ придуть,

Откупори Шампанскаго бутылку,
Иль перечти женишьбу Фигаро.»

Моцартъ.

Да! Бомарше вѣдь былъ тебѣ пріятель;
Ты для него Тарара сочинилъ,
Вещь славную. Тамъ естъ одинъ мопивъ...
Я все швержу его, когда я щасливъ...
Ла ла ла ла... Ахъ, правда ли, Сальери,
Чшо Бомарше кого-то отправилъ?

Сальери.

Не думаю: онъ слишкомъ былъ смѣшенъ
Для ремесла шакого.

Моцартъ.

Онъ же геній,
Какъ ты, да я. А геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда ль?

Сальери.

Ты думаешь?

(Бросаетъ лѣдъ въ стаканъ Моцарта.)

Ну, пей же.

Моцартъ.

За пвое

Здоровье, другъ, за искренній союзъ,
Связующій Моцарта и Сальери,
Двухъ сыновей гармоніи.

(Пьетъ.)

Сальери.

Постой,

Поспой, поспой!... Ты выпилъ!... безъ меня?

Моцартъ *(бросаетъ салфетку на столъ.)*

Довольно, сытъ я.

(Идетъ къ фортепіано.)

Слушай же, Сальери,

Мой Requiem. *(Играетъ.)*

Ты плачешь?

Сальери.

Эти слезы

Впервые лью: и больно и пріятно,
Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,
Какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ опсѣкъ

Справадшій члень! Другъ Моцартъ, эти слезы...
 Не замѣчай ихъ. Продолжай, спѣши
 Еще наполнишь звуками мнѣ душу...

Моцартъ.

Когда бы всѣ такъ чувствовали силу
 Гармоніи! Но нѣтъ: тогда бь не могъ
 И міръ существовать; никто бь не спалъ
 Забошиться о нуждахъ низкой жизни;
 Всѣ предались бы вольному искусству.
 Насъ мало избранныхъ, щасливцевъ праздныхъ,
 Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
 Единого прекраснаго жрецовъ.
 Не правда ль? Но я нынче нездоровъ,
 Мнѣ что-то тяжело; пойду, засну.
 Прощай же.

Сальери.

До свиданья.

(Одинъ.)

Ты заснешь

Надолго, Моцартъ! Но ужель онъ правъ,

И я не геній? Геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Неправда:
А Бонарошши? Или это сказка
Тупой, безмысленной полны — и не былъ
Убійцею создатель Ватикана?

XV.

Н О В О С Е Л Ь Е.

Благословляю новоселье,
Куда домашній свой кумиръ
Ты перенесъ — а съ нимъ веселье,
Свободный трудъ и сладкій миръ.
Ты щаспливъ : ты свой домикъ малой,
Обычай мудрости храня,
Опъ злыхъ забошъ и лѣни вялой
Заспиховаль , какъ опъ огня.

XVI.

Ц Ы Г А Н Ы.

Надъ лѣсистыми берегами,
Въ часъ вечерней тишины,
Шумъ и пѣсни подъ шашрами,
И огни разложены.

Здравствуй, щастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы самъ въ иное время
Провождаль сіи шатры.

Завтра съ первыми лучами
Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ,
Вы уйдете — но за вами
Не пойдеть ужъ вашъ поэтъ.

Онъ бродящіе ночлеги
И проказы старины
Позабылъ для сельской нѣги
И домашней пишины.

XVII.

О Т В Ъ Т Ъ.

Я васъ узналъ, о мой оракуль!
Не по узорной пестротѣ
Сихъ недописанныхъ каракуль;
Но по веселой оспротѣ,
Но по привѣтспвіямъ лукавымъ,
Но по насмѣшливости злой
И по упрекамъ . . . столь неправымъ
И этой прелести живой.
Съ тоской невольной, съ восхищеньемъ
Я перечисываю васъ
И восклицаю съ нетерпѣньемъ:
Пора! въ Москву! въ Москву сей часъ!

Здѣсь городъ чопорный, унылой,
Здѣсь рѣчи — ледь, сердца — гранишь;
Здѣсь нѣтъ ни въпрености милой,
Ни музъ, ни Пр..., ни харишь.

XVIII.

М А Д О Н А.

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣпитель,
Внимая важному сужденью знамоковъ.

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ прудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зришель,
Одной : чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель —

Она съ величіємъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ —
Взирали, крошкіе, во славъ и въ лучахъ,
Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, шебя, моя Мадона,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

1831.

★ ★

I.

Э Х О.

Ревешъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубишь ли рогъ, гремишь ли громъ,
Поешъ ли дѣва за холмомъ —

На всякой звукъ
Свой откликъ въ воздухъ пушномъ
Родишь ты вдругъ.

Ты вымлещъ грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ паспуховъ —

И плещь отвѣшь;
Тебѣ жь иѣшь опѣыва... Таковъ
И ны, поэпъ!

II.

КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

О чемъ шумите вы, народные витѣи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старыи споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

Уже давно между собою
Враждуютъ эпи племена;
Неразь клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кшо устоишь въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе ль ручки сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнешь? вопль вопросъ.

Оставыше насъ: вы не чинали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непоняшна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы опчаянной опвага —
И ненавидите вы насъ...

Зачто жь ѣ отвѣществуите : за то ли ,
 Что на развалинахъ пылающей Москвы ,
 Мы не признали наглой воли
 Того , подъ кѣмъ дрожали вы ?
 За то ль , что въ бездну повалили
 Мы пягошѣющій надъ царствами кумиръ ,
 И нашей кровью искупили
 Европы вольность , честь и миръ ?

Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
 Иль старый богатырь , покойныи на постелѣ ,
 Не въ силахъ завиншить свой Измаильскій штыкъ ?
 Иль Русскаго Царя уже безсильно слово ?
 Иль намъ съ Европой спорить ново ?
 Иль Русскій опъ побѣдъ отвыкъ ?
 Иль мало насъ ? Или опъ Перми до Тавриды ,
 Опъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды ,

Отъ потрясеннаго Кремля
До спѣнь недвижнаго Кипая,
Спальной щетиною сверкая,
Не встанеть Русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

III.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Великій день Бородина
Мы брашской призной поминая,
Твердили: «шли же племена,
« Бѣдой Россіи угрожая;
« Не вся ль Европа пущь была?
« А чья звѣзда ее вела!...
« Но стали жъ мы пяпою швѣрдой,
« И грудью приняли напоръ
« Племень, послушныхъ волѣ гордой,
« И равенъ былъ неравный споръ.

« И что жъ? свой бѣдспвенный побѣгъ,
« Кичась, они забыли нынѣ;
« Забыли Русскій штыкъ и снѣгъ,
« Погребшій славу ихъ въ пустынь.
« Знакомый пиръ ихъ манишь вновь —
« Хмѣльна для нихъ Славяновъ кровь:
« Но тяжко будетъ имъ похмѣлье;
« Но дологъ будетъ сонъ гостей
« На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
« Подъ лакомъ сѣверныхъ полей!

« Ступайте жъ къ намъ: васъ Русь зовешъ!
« Но знайте, прошенные гости!
« Ужъ Польша васъ не поведешъ:
« Черезъ ея шагнете косши!... »
Сбылось — и, въ день Бородина,

Вновь наши вшорглись знамена
Въ проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый —
И бунтъ раздавленный умолкъ.

Въ бореньѣ падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахъ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что спарыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сождемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры Русскаго пѣвца.

Но вы, мучители палатъ,
Легкоязычные вишинъ,
Вы, черни бѣдственный набатъ,
Клеветники, враги Россіи!
Что взяли вы?... Еще ли Россѣ
Больной, разслабленный колоссъ?
Еще ли сѣверная слава
Пустая припча, лживый сонъ?
Скажите: скоро ль намъ Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ?

Куда отпвинемъ спрой швердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останеся Волянь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
Признавъ мяшежныя права,

Опъ насъ општоргнется ль Липва?
 Нашъ Кіевъ дрыхлый, злагоглавый,
 Сей пращуръ Русскихъ городовъ,
 Сроднишь ли съ буйною Варшавой
 Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?

Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ
 Смуглили ль Русскаго Владыку?
 Скажите, кто главой поникъ?
 Кому вънецъ: мечу иль крику?
 Сильна ли Русь? Война, и морь,
 И бунтъ, и вѣшнихъ бурь напорь
 Ее, бьснуясь, потрясали —
 Смошрите жъ: все стоишь она!
 А вокругъ нея волпенья пали —
 И Польши участь рѣшена...

Побѣда! сердцу сладкій часъ!
Россія! встань и возвышайся!
Греми, восторговъ общій гласъ!...
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ Онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому Суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань.

Возставъ изъ гроба своего,
Суворовъ видитъ плѣнь Варшавы:
Вострепенчала плѣнь его
Отъ блеска имъ начатой славы!
Благословляетъ онъ, Герой,

Твое спрданье , швой покой ,
Твоицъ сподвижниковъ опвагу ,
И вѣсть пріумфа швого ,
И съ ней летящаго за Прагу
Младаго внука своего .

IV.

С К А З К А

*о Царѣ Салтанѣ, о сынѣ его славномъ и могу-
темъ богатырѣ Князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и о
прекрасной Царевнѣ Лебеди.*

Три дѣвицы подѣ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ.
Кабы я была царица,
Говорить одна дѣвица,
То сама на весь бы міръ
Приготовила я пиръ.
Кабы я была царица,
Говорить ея сестрица,

То на весь бы міръ одна
 Нашкала я полопна.
 Кабы я была царица,
 Третья молвила сестрица,
 Я бь для башюшки-царя
 Родила богатыря.

Только вымолвить успѣла,
 Дверь тихонько заскрыпѣла,
 И въ свѣплицу входитъ царь,
 Спороны шой государь.
 Во все время разговора
 Онъ стоялъ позадь забора;
 Рѣчь послѣдней по всему
 Полюбилася ему.
 Здравствуй, красная дѣвица,
 Говорить онъ, будь царица
 И роди богатыря
 Мнѣ къ исходу септября.
 Вы жь, голубушки-сестрицы,

★ ★

Выбирайтесь изъ свѣшлицы,
Поѣзжайте вслѣдъ за мной,
Вслѣдъ за мной и за сестрой:
Будь одна изъ васъ шкачиха,
А другая повариха.

Въ сѣни вышелъ царь-отецъ.
Всѣ пустились во дворецъ.
Царь недолго собирался:
Въ тошъ же вечеръ обвѣнчался.
Царь Салшанъ за пиръ честной
Сѣлъ съ царицей молодой;
А пошомъ честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодыхъ
И оставили однихъ.
Въ кухнѣ злился повариха,
Плачетъ у станка шкачиха —
И завидуютъ онѣ
Государевой женѣ.

А царица молодая,
Объщанье выполняя,
Съ пой же ночи понесла.

Въ шѣ-поры война была.
Царь Салпанъ, съ женой простися,
На добра-коня сядяся,
Ей наказываль себя
Поберечь, его любя.
Между шѣмъ, какъ онъ далеко
Бьется долго и жестоко,
Насупаешь срокъ родинъ;
Сына Богъ имъ далъ въ аршинъ,
И царица надъ ребенкомъ,
Какъ орлица надъ орленкомъ;
Шлетъ съ письмомъ она гонца,
Чтوبъ обрадовать отца.
А шкачиха съ поварихой,
Съ свашей бабой Бабарихой,
Извести ее хотяшъ,

Переняшь гонца веляшь ;
Сами шлюшь гонца другова
Вошь съ чѣмъ ошь слова до слова :
« Родила царица въ ночь
« Не по сына , не по дочь ;
« Не мышенка , не лягушку ,
« А невѣдому звѣрюшку. »

Какъ услышалъ царь-отецъ ,
Что донесъ ему гонецъ ,
Въ гнѣвъ началъ онъ чудесить
И гонца хотѣлъ повѣсить ;
Но , смягчившись на сей разъ ,
Далъ гонцу такой приказъ :
« Ждайъ царева возвращенья
« Для законнаго рѣшенья. »

Бѣдетъ съ грамотой гонецъ ,
И пріѣхалъ наконецъ.
А скачиха съ поварихой ,

Съ свашьей бабой Бабарихой ,
Обобрашь его веляшь ;
Допяна гонца пояшь
И въ суму его пустую
Суюшь грамошу другую—
И привезъ гонецъ хмѣльной
Въ шопъ же день приказъ такой :
«Царь велишь своимъ боярамъ ,
Времени не пращя даромъ ,
И царицу и приплодь
Тайно бросишь въ бездну водъ.»
Дѣлашь нечего : бояре ,
Попуживъ о государѣ
И царицѣ молодой ,
Въ спальню къ ней пришли толпой.
Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю ,
Прочитали вслухъ указъ ,
И царицу въ шопъ же часъ
Въ бочку съ сыномъ посадили ,

Засмолили, покашили
И пустили въ Океанъ —
Такъ вельдь-де царь Салпанъ.

Въ синемъ небѣ звѣзды блещушь,
Въ синемъ морѣ волны хлещушь;
Туча по небу идешь,
Бочка по морю плывешь.
Словно горькая вдовица,
Плачешь, бѣдѣя въ ней царица;
И роснешь ребенокъ шамъ
Не по днямъ, а по часамъ.
День прошелъ, царица вопишь...
А дитя волну шоропишь:
«Ты, волна моя, волна!
«Ты гульлива и вольна;
«Плещешь ты, куда захочешь,
«Ты морскіе камни почишь,
«Тонишь берегъ ты земли,
«Подымаешь корабли —

«Не губи ты нашу душу:
«Выплесни ты насъ на сушу!»
И послушалась волна:
Тутъ же на берегъ она
Бочку вынесла легонько,
И опхлынула пихонько.
Мать съ младенцемъ спасена;
Землю чувствуешь она.
Но изъ бочки кто ихъ вынешъ?
Богъ не ужъ-шо ихъ покинешъ?
Сынъ на ножки поднялся,
Въ дно головкой уперся,
Понашужился немножко:
Какъ бы здѣсь на дворъ окошко
Намъ продѣлать? молвилъ онъ,
Вышибъ дно и вышелъ вонъ.

Мать и сынъ шеперь на волѣ;
Видятъ холмъ въ широкомъ полѣ;
Море синее кругомъ,

Дубъ зеленый надъ холмомъ.
 Сынь подумаль : добрый ужинъ
 Быль бы намъ однако нужень.
 Ломишь онъ у дуба сукъ
 И въ шугой сгибаетъ лукъ ,
 Со креста снурокъ шелковой
 Натянулъ на лукъ дубовой ,
 Тонку проточку сломилъ
 Спрѣлкой легкой завосприль ,
 И пошелъ на край долины
 У моря искашь дичины.

Къ морю лишь подходитъ онъ ,
 Вошь и слышишь будшо стонъ...
 Видно на моръ не тихо ;
 Смогришь — видишь дѣло лихо :
 Бьется лебедь средь зыбей ,
 Коршунъ носится надъ ней ;
 Та бѣдняжка пакъ и плещеть ,
 Воду вокругъ мутишь и хлещеть...

Тотъ ужъ когти разпустилъ,
Клевъ кровавый навострилъ...
Но какъ разъ стрѣла заѣла,
Въ шею коршуна заѣла —
Коршунъ въ море кровь пролилъ,
Лукъ царевичъ опустилъ;
Смотришь: коршунъ въ морѣ понесъ
И не птичьимъ крикомъ стонесъ,
Лебедь около плывесъ,
Злаго коршуна клюесъ,
Гибель близкую шоропихъ,
Бьесъ крыломъ и въ море шопихъ —
И царевичу попомъ
Молвишь Русскимъ языкомъ:
Ты, царевичъ, мой спасишь,
Мой могучій избавишь,
Не шужи, что за меня
Бъсть не будешь ты при дня,
Что стрѣла пропала въ морѣ;
Это горе — все не горе.

Ошплачу шебѣ добромъ ,
Сослужу шебѣ попомъ :
Ты не лебедь вѣдь избавилъ ,
Дѣвцу въ живыхъ оставилъ ;
Ты не коршуна убилъ ,
Чародѣя подспрѣлилъ .
Вѣкъ тебя я не забуду :
Ты найдешь меня повсюду ,
А теперъ ты ворошись ,
Не горюй и спать ложись .

Улещѣла лебедь-птица ,
А царевичъ и царица ,
Цѣлый день проведши такъ ,
Лечь рѣшились напощакъ .
Вопъ открылъ царевичъ очи ;
Ошрясая грѣзы ночи
И дивясь , передъ собой
Видишь городъ онъ большой ,
Спѣны съ частыми зубцами

И за бѣлыми стѣнами
Блещуть маковки церквей
И святыхъ монастырей.
Онъ скорѣй царицу будишь;
Та какъ ахнешь!... То ли будешь?
Говоришь онъ, вижу я:
Лебедь пѣшишься моя.
Мать и сынъ идушь ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный презвонъ
Поднялся со всѣхъ споронъ:
Къ нимъ народъ навстрѣчу валишь,
Хоръ церковный Бога хвалишь;
Въ колымагахъ золошыхъ
Пышный дворъ встрѣчаетъ ихъ;
Всѣ ихъ громко величаютъ
И царевича вѣнчаютъ
Княжей шапкой, и главой
Возглашаютъ надъ собой:
И среди своей столицы,

Съ разрѣшенія царицы,
Въ тошъ же день спаль княжить онъ
И нарекса: князь Гвидонъ.

Въшеръ на морѣ гуляешъ
И корабликъ подгоняешъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздушыхъ парусахъ.
Корабельщики дивятся,
На корабликъ полпяся,
На знакомомъ острову
Чудо видятъ наяву:
Городъ новый златоголовой,
Пристань съ крѣпкою заспавой —
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю приешать велятъ.
Приспаяють къ заспавѣ гости:
Князь Гвидонъ зовешъ ихъ вгоспи,
Ихъ онъ кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:

Чѣмъ вы, госпи, шоргъ ведете,
И куда шеперь плывете?
Корабельщики въ опвѣшъ:
Мы объѣхали весь свѣшъ,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А шеперь намъ вышелъ срокъ,
Ѣдемъ прямо на востокъ,
Мимо ошрова Буяна,
Въ царство славнаго Салпана...
Князь имъ вымолвилъ шогда:
Добрый пущъ вамъ, господа,
По морю по океану
Къ славному царю Салпану;
Ошъ меня ему поклонъ.
Госпи въ пущъ, а князь Гвидонъ
Съ берега душой печальной
Провожаешъ бѣгъ ихъ дальшой;
Глядь — поверхъ шекучихъ водъ
Лебедъ бѣлая плывѣшъ.

Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?
Говоришь она ему.
Князь печально отвѣчаетъ:
Грусть-шоска меня съѣдаетъ,
Одолѣла молодца:
Видѣшь я бѣ хотѣлъ опца.
Лебедь князю: вошь въ чемъ горе!
Ну, послушай: хочешь въ море
Полетѣшь за кораблёмъ?
Будь же, князь, ты комаромъ.
И крылами замахала,
Воду съ шумомъ расплескала,
И обрызгала его
Съ головы до ногъ всего.
Тутъ онъ въ почку уменьшился,
Комаромъ оборотился,
Полетѣлъ и запищаль,
Судно на морѣ догналъ,

Попихонько опустился
На корабль — и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумишь,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Къ царству славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ вгости —
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видишь: весь сія въ златѣ,
Царь Салтанъ сидишь въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ;
А шкачиха съ поварихой,
Съ свашьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ

И въ глаза ему глядятъ.
Царь Салпанъ гостей сажаетъ
За свой споль и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго-ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтъ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье нехудо,
Въ свѣтъ жъ вошь какое чудо:
Въ морѣ оспровъ былъ крушой,
Не привольный, не жилой;
Онъ лежалъ пустой равниной;
Росъ на немъ дубокъ единой;
А шеперь споишь на немъ
Новый городъ со дворцемъ,
Съ запоглавыми церквами,
Съ шеремами и садами,
А сидишь въ немъ князь Гвидонъ;

Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду;
Молвить онъ : коль живъ я буду ,
Чудной островъ навѣщу ,
У Гвидона погощу.
А скачиха съ поварихой ,
Съ свашьей бабой Бабарихой ,
Не хопящъ его пуспипъ
Чудной островъ навѣспишь.
« Ужъ диковинка , ну право ,
Подмигнувъ другимъ лукаво ,
Повариха говоритъ ,
Городъ у моря стоишь !
Знайше , вотъ что не бездѣлка :
Ель въ лѣсу , подъ елю бѣлка ,
Бѣлка пѣсенки поешъ
И орѣшки все грызешъ ,
А орѣшки не просые ,
Все скорлупки золотыя ,
Ядра — чистый изумрудъ ;

**

Вотъ что чудомъ-то зовушь.
Чуду царь Салтанъ дивился,
А комаръ-то элился, элился —
И впился комаръ какъ разъ
Теткѣ прямо въ правой глазъ.
Повариха поблѣднѣла,
Обмерла и окривѣла.
Слуги, свашья и сеспра
Съ крикомъ ловятъ комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!...» А онъ въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полешѣлъ.

Снова князь у моря ходить,
Съ синя моря глазъ не сводишь;
Глядь — поверхъ пекучихъ водъ
Лебедь бѣлая плывесть.
Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Чшо жъ ты шихъ, какъ день ненастной?

Опечалился чему ?

Говоришь она ему.

Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ :

Грусть-шоска меня съѣдаешъ ;

Чудо чудное завесъ

Мнѣ бѣ хотѣлось. Гдѣ-то есть :

Ель въ лѣсу , подь елью бѣлка ;

Диво, право, не бездѣлка —

Бѣлка пѣсенки поешъ ,

Да орѣшки все грызешъ ,

А орѣшки не простые ,

Все скорлупки золотыя ,

Ядра — чистый изумрудъ ;

Но , бышь можешъ , люди врушъ.

Князю лебедь отвѣчаетъ :

«Свѣшъ о бѣлкѣ правду баешъ ;

«Эпо чудо знаю я ;

«Полно , князь , душа моя ,

«Не печалься ; рада службу

«Оказашъ тебѣ я вдружбу.»

Съ ободренною душой
Князь пошелъ себѣ домой;
Лишь спунилъ на дворъ широкой —
Что жъ? подъ елкою высокой,
Видишь, бѣлочка при всѣхъ
Золошой грызетъ орѣхъ,
Изумрудецъ вынимаетъ,
А скорлупку собираетъ,
Кучки равныя кладетъ,
И съ присвисточкой поетъ
При честномъ, при всемъ народѣ:
Во саду ли, въ огородѣ.
Изумился князь Гвидонъ.
Ну, спасибо, молвилъ онъ,
Ай-да лебедь — дай ей Боже,
Что и мнѣ, веселье то же.
Князь для бѣлочки пошомъ
Выстроилъ хрустальный домъ,
Караулъ къ нему приспавилъ
И при шомъ дьяка заспавилъ

Спрогій счесть орѣхамъ веснь.

Князю прибыль, бѣлкѣ честь.

Вѣперъ по морю гуляешъ

И корабликъ подгоняешъ :

Онъ бѣжипъ себѣ въ волнахъ

На подняшыхъ парусахъ

Мимо острова крушаго ,

Мимо города большаго ;

Пушки съ приспани палятъ ,

Кораблю приспашъ велятъ.

Приспашу къ заставѣ госпи :

Князь Гвидонъ зовешъ ихъ вгоспи ,

Ихъ и кормипъ и поипъ

И отвѣипъ держашъ велиипъ :

Чѣмъ вы , госпи , шоргъ ведете ,

И куда теперь плывете ?

Корабельщипки въ отвѣипъ :

Мы объѣхали весь свѣипъ ,

Торговали мы конями ,

Все Донскими жеребцами,
А пеперь намъ вышелъ срокъ —
И лежишь намъ путь далёкъ:
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана...
Говоришь имъ князь тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по океану
Къ славному царю Салтану;
Да скажете: князь Гвидонъ
Шлеть царю-де свой поклонъ.

Госпи князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь — а лебедь шамъ
Ужъ гуляешь по волнамъ.
Молишь князь: душа-де просишь,
Такъ и шянешъ и уносишь...
Вопь опять она его
Вмигъ обрызгала всего:

Въ муху князь оборопился ,
 Полетѣлъ и опустился
 Между моря и небесъ
 На корабль — и въ щель залѣзь.

Вѣтеръ весело шумить ,
 Судно весело бѣжитъ
 Мимо острова Буяна ,
 Въ царство славнаго Салтана —
 И желанная страна
 Вошь ужъ издали видна ;
 Вошь на берегъ вышли госпи ;
 Царь Салтанъ зовешъ ихъ вгоспи ,
 И за ними во дворець
 Полетѣлъ нашъ удалецъ.
 Видишь : весь сия въ златѣ ,
 Царь Салтанъ сидишь въ палатѣ
 На престолѣ и въ вѣнцѣ
 Съ грустной думой на лицѣ.
 А скачиха съ Бабарихой ,

Да съ кривою поварихой ,
Около царя сидяшь ,
Злыми жабами глядяшь.
Царь Салпанъ госпей сажаетъ
За свой споль и вопрошаетъ :
Ой вы, госпи - господа ,
Долго-ль ѣздили ? куда ?
Ладно ль за моремъ, иль худо ,
И какое въ свѣшъ чудо ?
Корабельщики въ опвѣшъ :
Мы объѣхали весь свѣшъ ;
За моремъ житье нехудо ;
Въ свѣшъ жъ вошъ какое чудо :
Островъ на морѣ лежитъ ,
Градь на островѣ стоишъ
Съ злагоглавыми церквами,
Съ перемами да садами;
Ель рослетъ передъ дворцемъ ,
А подъ ней хрустальный домъ ;
Бѣлка тамъ живетъ ручная,

Да зашѣйница какая !
Бѣлка пѣсенки поешъ ,
Да орѣшки все грызешъ ,
А орѣшки не простые ,
Все скорлупки золошья ,
Ядра — чистый изумрудъ ;
Слуги бѣлку стерегутъ ,
Служашъ ей прислугой разной —
И приставлень дьякъ приказной
Строгій счесть орѣхамъ весъ ;
Ошдаешъ ей войско честь ;
Изъ скорлупокъ льюшъ монету ,
Да пускаюшъ въ ходъ по свѣту ;
Дѣвки сыплюшъ изумрудъ
Въ кладовыя , да подспудъ ;
Всѣ въ помѣ оспровѣ богапы ,
Изобѣ нѣшъ , вездѣ палаты ;
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ ,
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ .
Царь Салтанъ дивился чуду .

Если только живъ я буду,
Чудный островъ навѣщу,
У Гвидона погощу.
А скачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хопящъ его пустишь
Чудный островъ навѣстишь.
Усмѣхнувшись изподпиха,
Говоришь царю скачиха :
Что шутъ дивнаго ? ну, вошь !
Бѣлка камушки грызёшь ,
Мечешь золото, и въ груды
Загребаешь изумруды ;
Этимъ насъ не удивишь ,
Правду ль, нѣшь ли, говоришь.
Въ свѣтѣ ешь иное диво :
Море вздуется бурливо ,
Закипитъ, подыметъ вой ,
Хлынетъ на берегъ пустой ,
Разольется въ шумномъ бѣгѣ

И очуtäтся на брегъ
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя ,
Тридцать-три богатыря ,
Всѣ красавцы удалые ,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ —
Съ ними дядька Черноморъ.
Это диво, такъ ужъ диво,
Можно молвить справедливо !
Госпи умные молчать ,
Споришь съ нею не хотѣшь.
Диву царь Салтанъ дивился ,
А Гвидонъ-то злился , злился....
Зажужжалъ онъ и какъ разъ
Тепкѣ сѣлъ на лѣвой глазъ ,
И скачиха поблѣднѣла :
Ай ! и шупъ же окривѣла ;
Всѣ кричатъ : лови, лови ,
Да дави ее, дави....
Вотъ ужо ! поспой немножко ,

Погоди. . . . А князь въ окошко ,
 Да спокойно въ свой удѣль
 Черезъ море прилешѣль!

Князь у синя моря ходить ,
 Съ синя моря глазъ не сводить ;
 Глядь : поверхъ текучихъ водъ
 Лебедь бѣлая плывётъ.
 «Здравствуй, князь ты мой прекрасной !
 Чшо ты шихъ, какъ день ненастной ?
 Опечалился чему ?»
 Говоришь она ему.
 Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ :
 Грусть-шоска меня съѣдаетъ —
 Диво бѣ дивное хотѣлъ
 Перенести я въ мой удѣль.
 «А какое-жъ эшо диво ?»
 — Гдѣ-то вздуется бурливо
 Окіянь, подыметъ вой,
 Хлынетъ на берегъ пустой ,

Расплеснется въ шумномъ бѣгѣ,
И очушится на брегѣ,
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать-три богатыря,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ. —
Князю лебедь отвѣчаетъ:
Вошь что, князь, тебя смущаетъ?
Не шужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти вишязи морскіе
Мнѣ вѣдь братья всѣ родные.
Не печалься же, спупай,
Вгости брашцевъ поджидай.

Князь пошелъ, забывши горе,
Сѣлъ на башню, и на море
Спалъ глядышъ онъ; море вдругъ

Всколыхалось вокруг ,
Расплескалось въ шумномъ бѣгѣ ,
И оставило на брегѣ
Тридцать-три богатыря ;
Въ чешуѣ какъ жарь горя ,
Идущъ вишязи чешами ,
И блистая съдинами
Дядька впереди идетъ
И ко граду ихъ ведетъ.
Съ башни князь Гвидонъ сбѣгаетъ ,
Дорогихъ гостей встрѣчаетъ ;
Впоропяхъ народъ бѣжитъ ;
Дядька князю говоритъ :
Лебедь насъ къ тебѣ послала
И наказомъ наказала
Славный городъ твой хранить
И дозоромъ обходить.
Мы ошныи ежедневно
Вмѣстѣ будемъ непременно
У высокихъ стѣнъ твоихъ

Выходишь изъ водъ морскихъ.
Такъ увидимся мы вскорѣ ,
А теперъ пора намъ въ море ;
Тяжекъ воздухъ намъ земли.
Всѣ потомъ домой ушли.

Вѣтеръ по морю гуляешь
И корабль подгоняешь ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова круаго ,
Мимо города большаго ;
Пушки съ пристани палятъ ,
Кораблю пристать велятъ.
Приспаяють къ заснавѣ госпи.
Князь Гвидонъ зовешъ ихъ вгоспи ,
Ихъ и кормишь и поишь
И ошвѣшь держашь велишь :
Чѣмъ вы , госпи , торгъ ведете ?
И куда теперъ плывете ?

Корабельщики въ отвѣпъ :
Мы объѣхали весь свѣпъ ;
Торговали мы булатомъ ,
Чистымъ серебромъ и златомъ ,
И теперь намъ вышелъ срокъ ;
А лежишь намъ пущь далекъ ,
Мимо острова Буяна ,
Въ царство славнаго Салтана.
Говоришь имъ князь тогда :
Добрый пущь вамъ , господа ,
По морю по океану
Къ славному царю Салтану.
Да скажише-жь : князь Гвидонъ
Шлеть-де свой царю поклонъ.

Госпи князю поклонились ,
Вышли вонъ и въ пущь пустились.
Къ морю князь , а лебедь шамъ
Ужь гуляетъ по волнамъ.
Князь опять : душа-де просить...

Такъ и шпанеть, и уноситъ....

И опять она его

Вмигъ обрызгала всего.

Тутъ онъ очень уменьшился,

Шмелемъ князь оборотился,

Полетѣлъ и зажуужалъ;

Судно на морѣ догналъ,

Потихоньку опустился

На корму — и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумитъ,

Судно весело бѣжитъ

Мимо острова Буяна

Въ царство славнаго Салтана,

И желанная спрана

Вотъ ужъ издали видна.

Вотъ на берегъ вышли гости.

Царь Салтанъ зовешъ ихъ вгости,

И за ними во дворецъ

Полетѣлъ нашъ удалецъ.

★ ★

Видитъ , весь сіяя въ златѣ ,
 Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
 На престолѣ и въ вѣнцѣ
 Съ грустной думой на лицѣ.
 А шкачиха съ поварихой ,
 Съ свашей бабой Бабарихой ,
 Около царя сидятъ —
 Четырьмя всѣ три глядятъ.
 Царь Салтанъ гостей сажаетъ
 За свой столъ и вопрошаетъ :
 Ой вы , гости - господа ,
 Долго ль ѣздили ? куда ?
 Ладно ль за моремъ иль худо ?
 И какое въ свѣтѣ чудо ?
 Корабельщики въ отвѣтъ :
 Мы объѣхали весь свѣтъ ;
 За моремъ живье нехудо ;
 Въ свѣтѣ жъ вошъ какое чудо :
 Островъ на морѣ лежитъ ,
 Градъ на островѣ стоитъ ,

Каждый день идешь тамъ диво :
Море вздуется бурливо ,
Закипишь , подымеши вой ,
Хлынешь на берегъ пустой ,
Разплеснешся въ скоромъ бѣгѣ —
И останутся на брегѣ
Тридцать-три богатыря ,
Въ чешуѣ златой горя ,
Всѣ красавцы молодые ,
Великаны удалые ,
Всѣ равны , какъ на подборъ ;
Старый дядька Черноморъ
Съ ними изъ моря выходишь
И попарно ихъ выводидь ,
Чтобы островъ шотъ хранишь
И дозоромъ обходишь —
И той стражи нѣтъ надежнѣй ,
Ни храбрѣе , ни прилежнѣй .
А сидишь тамъ князь Гвидонъ ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ .

Царь Салтанъ дивится чуду.
Коли живъ я только буду,
Чудный островъ навѣщу
И у князя погощу.
Повариха и пкачиха
Нигугу — но Бабариха
Усмѣхнувшись говоришь :
Кто насъ эшимъ удивить ?
Люди изъ моря выходяшь
И себѣ дозоромъ бродяшь !
Правду ль баюшь или лгушь ,
Дива я не вижу шушь.
Въ свѣшѣ ешь такіа-ль дива ?
Вопъ идешь молва правдива :
За моремъ царевна ешь ,
Что не можно глазъ опвесить :
Днемъ свѣшь Божій зашмеваетъ ,
Ночью землю освѣщаетъ ,
Мѣсяць подь косою блеспитъ ,
А во лбу звѣзда горитъ.

А сама-шо величава,
Выплываетъ, будто нава;
А какъ рѣчь-то говоришь,
Словно рѣченька журчить.
Молвишь можно справедливо,
Эпо диво, шакъ ужъ диво.
Госпи умные молчать:
Споришь съ бабой не хопяшь.
Чуду царь Салтанъ дивился —
А царевичъ хопъ и злился,
Но жалѣешь онъ очей
Старой бабушки своей:
Онъ надъ ней жужжишь, кружишься —
Прямо на носъ къ ней садится,
Носъ ужалилъ богатырь:
На носу вскочилъ волдырь.
И опять пошла тревога:
Помогише, ради Бога!
Карауль! лови, лови,
Да дави его, дави

Вошь ужо ! пожди немножко ,
Погоди ! . . . А шмель въ окошко ,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.

Князь у синя моря ходишь ,
Съ синя моря глазъ не сводишь ;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плывесть.

«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Чшо жъ ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»

Говоришь она ему.

Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ :
Грусь-поска меня съѣдаетъ :
Люди женятся ; гляжу ,
Неженать лишь я хожу.

«А кого же на примѣшь
Ты имѣешь?» — Да на свѣшь ,
Говоряшь, царевна ешь ,

Что не можно глазъ опшвестъ.
Днемъ свѣтъ Божій запииваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ —
Мѣсяцъ подъ косою блещетъ ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава ,
Выступаетъ, будто пава ;
Сладку рѣчь-то говоритъ ,
Будто рѣченька журчитъ.
Только , полно , правда ль эшо ? —
Князь со страхомъ ждётъ опшвѣша.
Лебедь бѣлая молчитъ
И подумавъ говоритъ :
Да ! такая есть дѣвица.
Но жена не рукавица :
Съ бѣлою ручки не спрячнешь ,
Да за поясъ не зашкнѣшь.
Услужу тебѣ ,овѣшомъ —
Слушай : обо всемъ объ эшомъ
Пораздумай ты пущѣмъ ,

Не раскаяться бь попомъ.
Князь предъ нею спаль божишься ,
Чшо пора ему женишься ,
Чшо объ эшомъ обо всемъ
Передумаль онъ пушемъ ;
Чшо гошовъ душею спраспной
За царвною прекрасной
Онъ пѣшкомъ иппи опсечь,
Хоть за придевять земель.
Лебедь пушь , вздохнувъ глубоко ,
Молвила : зачѣмъ далѣко ?
Знай , близка судьба швоя ,
Вѣдь царвна эша — я.
Тупь она , взмахнувъ крылами ,
Полетѣла надъ волнами
И на берегъ съ вышины
Опустилася въ кусты ,
Встрепенулась , ошряхнула
И царвною обернула :
Мѣсяць подъ косою блестящъ

А во лбу звѣзда горитъ ;
А сама-то величава ,
Выступаетъ , будто пава ;
А какъ рѣчь-то говоришь ,
Словно рѣченька журчишь .
Князь царевну обнимаетъ ,
Къ бѣлой груди прижимаетъ
И ведетъ ее скорѣй
Къ милой машушкѣ своей .
Князь ей въ ноги , умоляя :
Государыня - родная !
Выбралъ я жену себѣ ,
Дочь послушную тебѣ .
Просимъ оба разрѣшенья ,
Твоего благословенья :
Ты дѣшей благослови
Жишь въ совѣтѣ и любви .
Надъ главою ихъ покорной
Мать съ иконой чудотворной
Слезы льешь и говоришь :

«Богъ васъ, дѣти, наградишь.»

Князь не долго собирался,

На царевнѣ обвинчался;

Спали жипъ да поживашъ,

Да приплода поджидашъ.

Вѣшеръ по морю гуляешъ

И корабликъ подгоняешъ :

Онъ бѣжишь себѣ въ волнахъ

На раздушыхъ парусахъ

Мимо оспрова крушаго,

Мимо города большаго;

Пушки съ пристани паляшъ,

Кораблю пристаашъ веляшъ.

Пристаюшъ къ заспавѣ госпи.

Князь Гвидонъ зоветъ ихъ вгоспи,

Онъ ихъ кормишь и поишь

И отвѣшь держашъ велишь :

Чѣмъ вы, госпи, торгъ ведете,

И куда шеперь плывете?

Корабельщики въ отвѣтъ :
Мы объѣхали весь свѣтъ ,
Торговали мы не даромъ
Неуказаннымъ товаромъ ;
А лежишь намъ пушь далёкъ :
Восвояси на воспокъ ,
Мимо острова Буяна ,
Въ царство славнаго Салтана.
Князь имъ вымолвилъ тогда :
Добрый пушь вамъ , господа ,
По морю по океану
Къ славному царю Салтану ;
Да напомниме ему ,
Государю своему :
Къ намъ онъ вгоспи общался ,
А доселѣ не собрался —
Шлю ему я свой поклонъ.
Госпи въ пушь , а князь Гвидонъ
Дома на сей разъ остался
И съ женою не разстался.

Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Къ царству славнаго Салтана,
И знакомая спрана
Вошь ужъ издали видна.
Вошь на берегъ вышли гости.
Царь Салтанъ зовешъ ихъ вгости.
Гости видяшъ: во дворцѣ
Царь сидишъ въ своемъ вѣнцѣ,
А шкачиха съ поварихой,
Съ свашьей бабой Бабарихой,
Около царя сидяшъ,
Чешырьмя всѣ при глядяшъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости - господа,
Долго-ль ѣздили? куда?
Ладно-ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?

Корабельщики въ отвѣтъ :
Мы объѣхали весь свѣтъ ;
За моремъ жишь нехудо ,
Въ свѣтъ жь вошь какое чудо :
Островъ на морѣ лежишь ,
Градъ на островѣ стоишь ,
Съ златоглавыми церквами ,
Съ перемами и садами ;
Ель росшеть передъ дворцомъ ,
А надъ ней хрустальный домъ ;
Бѣлка въ немъ живеть ручная ,
Да чудесница какая !
Бѣлка пѣсенки поеть ,
Да орѣшки все грызеть ;
А орѣшки не просые ,
Скорлупы-то золошья ,
Ядра — чистый изумрудъ ;
Бѣлку холятъ , берегутъ .
Тамъ еще другое диво :
Море вздуется бурливо ,

Закипишь, подыметь вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разплеснется въ скоромъ бѣгѣ
И очушася на брегѣ
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать-три богатыря,
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ —
Съ ними дядька Черноморь.
И стой спражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А у князя женка естъ,
Что не можно глазъ отвесить:
Днемъ свѣтъ Божій запмеваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ;
Мѣсяць подъ косою блещетъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
Князь Гвидонъ тошъ городъ правитъ,
Всякъ его усердно славитъ;

Онъ прислалъ тебѣ поклонъ ,
 Да тебѣ пѣняетъ онъ :
 Къ намъ-де въ госпи общался ,
 А доселѣ не собрался.

Тутъ ужъ царь не утерпѣлъ ,
 Снарядить онъ флотъ велѣлъ.
 А скачиха съ поварихой ,
 Съ свашьей бабой Бабарихой ,
 Не хошая царя пустишь
 Чудный островъ навѣспишь.
 Но Салпанъ имъ не внимаешь
 И какъ разъ ихъ унимаешь :
 «Что я? царь или дия?»
 Говоритъ онъ не шутя :
 «Нынче-жъ їду!» — Тутъ онъ топнулъ ,
 Вышелъ вонъ и дверью хлопнулъ.

Подъ окномъ Гвидонъ сидишь ,
 Молча на море глядишь :

Не шумить оно, не хлещетъ,
Лишь едва, едва препещетъ,
И въ лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинамъ океана
Ѣдетъ флотъ царя Салтана.
Князь Гвидонъ тогда вскочилъ,
Громогласно возопилъ:
«Мапушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы шуда:
Ѣдетъ бапюшка сюда.»
Флотъ ужъ къ острову подходитъ.
Князь Гвидонъ трубу наводитъ:
Царь на палубѣ стоить,
И въ трубу на нихъ глядитъ;
Съ нимъ скачиха съ поварихой,
Съ свашьей бабой Бабарихой;
Удивляются онѣ
Незнакомой споронѣ.

Разомъ пушки запалили ;
 Въ колокольныхъ зазвонили ;
 Къ морю самъ идешь Гвидонъ ;
 Тамъ царя встрѣчаешь онъ
 Съ поварихой и шкачихой ,
 Съ свашьей бабой Бабарихой ;
 Въ городъ онъ повель царя ,
 Ничего не говоря.

Всѣ шеперь идушь въ палашы :
 У ворошь блистающъ лапы ,
 И стояшь въ глазахъ царя
 Тридцать-три богатыря ,
 Всѣ красавцы молодые ,
 Великаны удалые ,
 Всѣ равны какъ на подборъ ,
 Съ ними дядька Черноморъ.
 Царь спушилъ на дворъ широкой :
 Тамъ подъ елкою высокой
 Бѣлка пѣсенку поешъ ,

★★

Золотой орѣхъ грызеть ,
Изумрудецъ вынимаетъ
И въ мѣшечекъ опускаетъ ;
И засѣянъ дворъ большой
Золошою скорлупой.
Гости далѣ — шоропливо
Смотряшь — что жъ ? княгиня — диво :
Подъ косой луна блещишь ,
А во лбу звѣзда горитъ ;
А сама-то величава ,
Выступаетъ , будто пава ,
И свекровь свою ведетъ.
Царь глядишь — и узнаешь
Въ немъ взыграло решивое !
«Что я вижу ? что такое ?
Какъ !» и духъ въ немъ занялся . . .
Царь слезами залился ,
Обнимаетъ онъ царицу
И сына и молодицу ,
И сядяся всѣ за столъ ;

И веселый пиръ пошѣлъ.
А шкачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Разбѣжались по угламъ;
Ихъ нашли насилу шамъ.
Тупъ во всемъ онъ признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Ошпустилъ всѣхъ шрехъ домой.
День прошель — царя Салшана
Уложили спать вполпьяна.
Я шамъ былъ; медъ, пиво пилъ —
И усы лишь обмочилъ.

РАЗНЫХЪ ГОДОВЪ.

I.

УЗНИКЪ.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный въ неволѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюешь подъ окномъ,

Клюешь, и бросаешь, и смотришь въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;
Зовешь меня взглядомъ и крикомъ своимъ
И вымолвишь хочешь: «давай улетимъ!

- « Мы вольныя пшицы; пора, брашъ, пора!
« Туда, гдѣ за шучей бѣлѣшь гора,
« Туда, гдѣ синѣють морскіе края,
« Туда, гдѣ гуляемъ лишь вѣперъ... да я!... »

II.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

(Михайловское, 1824.)

Издравле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуешь :
Они жрецы единыхъ музъ ;
Единый пламень ихъ волнуешь ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью :
Языковъ, близокъ я тебѣ.
Давно бѣ на Дерпшскую дорогу
Я вышелъ утренняя порой

И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой,
И возврашлся бѣ оживленный
Каршиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольно-вдохновенной
И звучной лирою швоей.
Но злобно мной играешь щастье:
Давно безъ крова я ношусь,
Куда подуетъ непогода;
Уснувъ, незнаю, гдѣ проснусь.
Теперь одинъ, въ глухомъ изгнаньѣ,
Влачу помилельные дни.
Услышь, поэтъ, мое призванье,
Моихъ надеждъ не обмани.
Въ деревнѣ, гдѣ Петра пишомецъ,
Царей, Царицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ,
Скрывался прадѣдъ мой Арапъ,
Гдѣ, позабывъ Елисаветы
И Дворъ и пышные обѣды,

Подъ сѣнью липовыхъ аллеѣ
Онъ думалъ въ охлажденны лѣшѣ
О дальней Африкѣ своей,
Я жду тебя.

III.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя :
То, какъ звѣрь, она завоеетъ,
То заплачетъ, какъ дитя,
То по кровль обвѣшшалай
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ пушникъ запоздалой,
Къ намъ въ окошко заспучитъ.

Наша веселая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, упомена,
Или дремлешь подъ жужжаньем
Своего вершена?

Выпьем, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьем сгоря; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроешъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь, она завоешь,
То заплачешъ, какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ сгоря; гдѣ же кружка?
Сердцу будешь веселѣй.

IV.

19 О К Т Я Б Р Я , 1827.

Богъ помочь вамъ , друзья мои ,
Въ заботахъ жизни , Царской службы ,
И на пирахъ разгульной дружбы ,
И въ сладкихъ шайнствахъ любви !

Богъ помочь вамъ , друзья мои ,
И въ буряхъ , и въ жишейскомъ горѣ ,
Въ краю чужомъ , въ пустынномъ морѣ ,
И въ мрачныхъ пропастяхъ земли !

V.

(26 Mail, 1828.)

Даръ напрасный , даръ случайной ,
Жизнь , зачѣмъ ты мнѣ дана ?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена ?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью ,
Умъ сомнѣиємъ взволновалъ ? . . .

Цѣли нѣтъ передо мною :
Сердце пусто , празденъ умъ ,
И томишь меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

**

VI.

(1828.)

Tel j'étais autrefois et tel je suis encor.

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я :
Безпечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья ,
Могу ль на красоту взиратьъ безъ умиленья ,
Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья.
Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной ?
Ужъ мало ль бился я , какъ ястребъ молодой ,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, разкинутыхъ Кипридой :
А неисправленный спократною обидой ,
Я новымъ идоламъ несу мои мольбы...

VII.

А Н Ч А Р Ъ *.

(1828.)

Въ пустынь чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоишь, одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мертвую вѣтвей
И корни ядомъ напоила.

* Древо яда.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню распоися отъ зною,
И засыиваетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не лепитъ,
И пигръ неидетъ: лишь вихоръ чёрный
На древо смерти набѣжитъ —
И мчится прочь уже плетворный.

И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій;
Съ его выпвей ужъ ядовитъ
Спекаетъ дождь въ песокъ горячій.

Но челоѡѡка челоѡѡкъ
Послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ :
И потъ послушно въ пушь пошекъ ,
И къ упру возеашилсѧ съ ядомъ.

Принесъ онъ смертнуну смолу
Да въпвь съ увядшими листьями ,
И потъ по блѣдному челу
Спруилсѧ хладными ручьями ;

Принесъ — и ослабѣлъ и легъ
Подъ сводомъ шалаша на лыки ,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А князь пѣмъ ядомъ напишалъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдамъ въ чуждые предѣлы.

VIII.

Подъѣзжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса
И вспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.
Хоть я грустно очарованъ
Вашей дѣвственной красой,
Хоть вампиромъ именованъ
Я въ губерніи * * *;
Но колѣнь моихъ предъ вами
Преклонилъ я не посмѣлъ
И влюбленными мольбами
Васъ тревожить не хотѣлъ.
Упиваясь непріятно

Хмелемъ свѣтской суеты ,
Позабуду , вѣроятно ,
Ваши милыя черпы ,
Легкій спань , движеній стройность ,
Осторожный разговоръ ,
Эту скромную спокойность ,
Хитрый смѣхъ и хитрый взоръ.
Если жъ нѣтъ... по прежню слѣду
Въ ваши мирные края
Черезъ годъ опять заѣду
И влюблюсь до Ноября.

IX.

СОБРАНИЕ НАСѢКОМЫХЪ.

Какія крохотны коровки !

Есть, право, менѣ булавочной головки.

К р ы л о в ъ.

Мое собранье насѣкомыхъ
Открыто для моихъ знакомыхъ ;
Ну, что за пестрая семья !
За ними гдѣ не рылся я !
За то, какая сортировка !
Вошь * * * Божія коровка ,
Вошь * * * злой паукъ ,
Вошь и * * * Россійскій жукъ ,
Вошь * * * черная мурашка ,
Вошь * * * мелкая букашка .

Куда ихъ много набралось!
Опрятно за стекломъ и въ рамахъ
Они, пронзенныя насквозь,
Рядкомъ торчашь на эпиграммахъ.

X.

П Р И М Ъ Т Ы.

Я ѣхалъ къ вамъ : живые сны
За мной вились полпой игривой ,
И мѣсяць съ правой спороны
Сопровождалъ мой бѣгъ решивой.

Я ѣхалъ прочь : иные сны...
Душѣ влюбленной грустно было ,
И мѣсяць съ лѣвой спороны
Сопровождалъ меня уныло.

Мечтанью вѣчному въ пиши
Такъ предаемся мы, поэшы;
Такъ суевѣрныя примѣшы
Согласны съ чувствами души.

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

	Стран.
1829. I. Кавказъ	7.
II. Обвалъ	9.
III. Монастырь на Казбекъ	12.
IV. Делибашъ.....	13.
V. (На холмахъ Грузіи лежишь ночная мгла). <i>Отрывокъ</i>	15.
VI. (Не плѣняйся бранной славой). <i>Изъ Гафиза</i>	16.
VII. Донъ	17.
VIII. Олеговъ Щипъ.....	19.
IX. (Поѣдемъ, я гошовъ). <i>Элегическій отрывокъ</i>	21.
X. (Когда твои младыя лѣта).....	22.
XI. (Я васъ любилъ).....	24.
XII. (Зима. Чшо дѣлашь намъ въ деревнѣ). ..	25.
XIII. Зимнее утро	28.
XIV. (Щастливъ ты въ прелестныхъ)....	31.
XV. Лицературное извѣстіе).....	32.
XVI. (Какъ сапирой безымянной). <i>Эпи- грамма</i>	33.
XVII. Дорожныя жалобы	34.
XVIII. Калмычкѣ.....	37.
XIX. (Что въ имени тебѣ моемъ). <i>Въ аль- болѣ</i>	39.
XX. (Кто на снѣгахъ возраспилъ). <i>Загадка</i> ..	41.
XXI. (Брожу ли я вдоль улицъ). <i>Станцы</i> ..	42.
1830. I. (Въ часы забавъ иль праздной скуки). <i>Станцы</i>	47.
II. Къ Вельможѣ	49.
III. Поэту. <i>Сонетъ</i> ..	56.
IV. Опытъ анониму	58.
V. (Пью за здравіе Мери). <i>Пѣсня</i>	60.

Стран.

VI.	Пиръ во время чумы. Изъ Вильсоновой трагедіи: <i>The city of the plague</i>	62.
VII.	Сонетъ. <i>Сонетъ</i>	78.
VIII.	Вѣсы.....	80.
IX.	Царскосельская шапуга.....	84.
X.	Опрокъ.....	85.
XI.	Рифма.....	86.
XII.	На переводъ <i>Иліады</i>	87.
XIII.	Трудъ.....	88.
XIV.	Мощаръ и Сальери.....	89.
XV.	Новоселье.....	107.
XVI.	Цыганы. <i>Съ Англійскаго</i>	108.
XVII.	Отвѣтъ.....	110.
XVIII.	Мадона. <i>Сонетъ</i>	112.
1831.	I. Эхо.....	117.
	II. Клевещникамъ Россіи.....	119.
	III. Бородинская годовщина.....	123.
	IV. Сказка о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его славномъ и могучемъ богатырѣ князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и о прекрасной царевнѣ Лебеди.....	130.

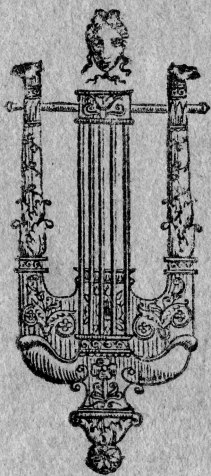
Разныхъ годовъ:

I.	Узникъ.....	185.
II.	Къ Языкову. <i>Отрывокъ изъ посланія</i>	187.
III.	Зимній вечеръ.....	190.
IV.	19 Октября, 1827.....	193.
V.	(Даръ напрасный).....	194.
VI.	(Каковъ я прежде былъ). <i>Отрывокъ изъ Андрея Шенье</i>	196.
VII.	Анчаръ.....	197.
VIII.	(Подъѣзжая подъ Ижору).....	201.
IX.	Собраніе насѣкомыхъ.....	203.
X.	Примѣшны.....	205.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ПОПРАВКА:

Въ *Сказкѣ о царѣ Салтанѣ* и проч. вмѣсто
слова *Окіянь* ошибкою вездѣ напечатано *Океанъ*.

Третья Часть Стихотворений Алек-
сандра Пушкина продается во всѣхъ
книжныхъ лавкахъ по 10 руб. экзempl.;
а за пересылку прилагается 1 р.